

ПЕРЕПИСКА ФЕТА и П. В. ШЕЙНА (1888—1892)

Публикация С. А. Ипатовой

Знакомство Фета с этнографом-самоучкой, лингвистом и собирателем песенного фольклора Павлом Васильевичем Шейном (1826—1900) состоялось, вероятно, в начале 1860-х годов. Нет никаких свидетельств, когда именно и по какому поводу завязались эти отношения, кроме упоминания самого Шейна в письме к Фету от 29 января 1889 года: «...я высоко ценю Ваше доброе ко мне расположение, не изменившееся в течение более четверти столетия». Судя по сохранившейся между ними переписке, которая едва ли была интенсивной (известны 3 письма Фета и 2 Шейна), общение происходило не столько личным, сколько эпистолярным образом.

Точно известно, что во второй половине августа 1883 года Шейн гостил у Фета в Воробьевке, о чем сохранилось свидетельство самого Шейна в письме к ученому-филологу, академику Я. К. Гроту из Воробьевки от 20 августа 1883 года: 6 августа «я заехал в с. Мантурово (Тимского у. Курской губ.) к помещику Томилину, где все семейство встретило меня весьма радушно <...>. Там я провел дней 10 и приобрел довольно интересный материал для великорусских своих сборников». Как следует из письма, из Мантурово Шейн «поехал в Курск и потом к А. А. Шеншину (Фету) в с. Воробьевка, в 12 верстах от станции „Коренной Пустыни“. Эти добрые люди тоже мне крайне обрадовались, тем более что они живут, как Пилемон (так! — С. И.) и Бавкида, в совершенном одиночестве, вдали от мало-мальски сносного соседства. Он целый день возится с переводом Горация, а вечером, для сбережения зрения, раскладывает карты, она же занимается хозяйством или слушает его чтение. Только изредка сюда заглянет кто-ни-

будь из приятелей нашего поэта, прогостит у него недельку-другую, а потом возобновляется тут прежняя идиллическая монотонность. Мой радушный хозяин так обрадовался, когда я заговорил о Вас. Он тотчас с удовольствием вспомнил, что Вас с ним познакомил какой-то переводчик Мицкевича, который похвалил очень его переводы из Горация, я сейчас догадался, что это был никто иной, как Н<иколай> П<етрович>. Я, грешный, думаю, что поэтическ<ая> деятельность такого ветерана литературы заслуживает поощрения Академии н<аук>. <...> Р. S. <...> Шеншина (Фета) зовут *Афанасий Афанасьевич*.¹ Не исключено, что поводом к посещению Воробьевки послужило намерение Шейна, искавшего любую возможность записи песенного фольклора для своих великорусских сборников, продолжить сбор материала в Курской губернии.

Так вышло, что в тот же день, 20 августа 1883 года, Фет также обратился к Я. К. Гроту с письмом, но по другому поводу: поэт завершил перевод всех произведений Горация и, имея по опыту издания перевода «Фауста» Гёте «затруднения с московскими типографиями, из которых получить книгу в надлежащем виде почти невозможно», просил совета у Грота как человека, имевшего опыт в издательском деле. К письму был приложен дарственный экземпляр вышедшего перевода «Фауста».² Не исключено, что в один из этих дней Фет подарил перевод «Фауста» также и Шейну, гостившему в это время в Воробьевке, о чем свидетельствует сохранившаяся книга с дарственной надписью без даты: «Павлу Васильевичу Шейну в память от переводчика».³ Грот ответил Фету 12 сентября 1883 года: «Спешу от души поблагодарить Вас и за память обо мне, и за дорогой для меня подарок произведений

¹ См.: *ПФА РАН*. Ф. 137. Оп. 3. № 1025. Л. 7–7 об. Р. S. на Л. 6 об. *Томили* Е<гор> И., помещик, собиратель фольклорно-этнографических материалов в Курской губернии, корреспондент Шейна. Упомянутый труд — «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. (материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном)» (СПб., 1898–1900. Т. 1. Вып. 1–2). Во время приезда Шейна в Воробьевку Фет заканчивал работу над книгой «Квинт Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета», которая вышла в декабре 1883 г. Упомянутый переводчик А. Мицкевича — сенатор, историк и поэт Н. П. Семенов (1823–1904), на сестре которого, Наталье Петровне, был женат Я. К. Грот.

² См.: «Труд целой жизни» (Письма А. А. Фета Я. К. Гроту) / Публ. Л. Я. Дворниковой // *Встречи с прошлым*. М., 1988. Вып. 6. С. 49 (здесь опубликовано письмо Фета от 18 декабря 1885 г.); письма Фета к Гроту 1880-х гг. хранятся в РГАЛИ (Ф. 123. Оп. 1. № 61); ответные письма Грота см.: *ИРЛИ*. № 20282.

³ Экземпляр хранится ныне в Библиотеке РАН (Петербург): Фауст. Трагедия Гёте. Часть первая. Перевод А. Фета. М., 1882 (шифр: IV а / 1375). За указание благодарю И. А. Кузьмину.

Има.
1375

*Покуплено в
Минусин*

ФАУСТЪ

Възникъ

ТРАГЕДІЯ

свѣтъ

ГЁТЕ

переводъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПЕРЕВОДЪ

А. ФЕТА.

МОСКВА.

Типографія А. Гатцука, Никитскій бульваръ, соб. д.
1882.

«Фауст» Гёте в переводе Фета
с дарственной надписью П. В. Шейну на обложке (М., 1882. Ч. 1)

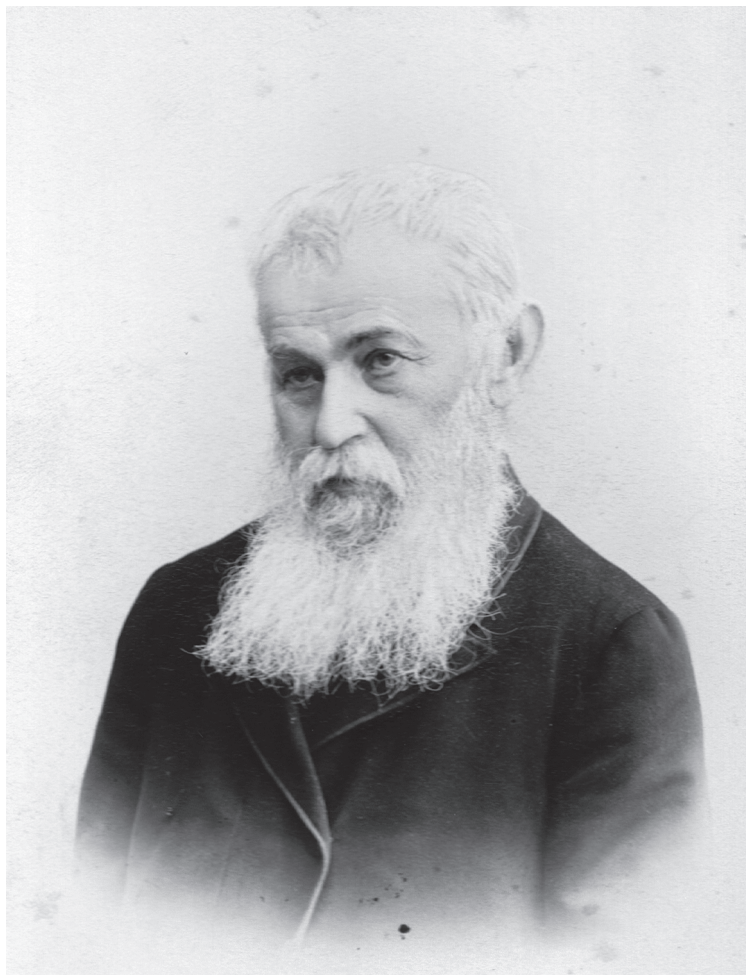
Вашего прекрасного таланта, который я, как Вам известно, давно ценю и уважаю. И о приятных минутах личного знакомства с Вами в доме Н. П. Семенова я часто вспоминал с особенным удовольствием. Обещаю себе большое наслаждение от прочтения „Фауста“ в Вашем переводе».⁴

Позже в письме к Фету от середины апреля 1888 года (местонахождение неизвестно) Шейн, вероятно, высказал мысль, что именно он «отрекомендовал» Фета Я. К. Гроту и, таким образом, «выхлопотал» поэту Пушкинскую премию, полученную им в октябре 1884 года, что, конечно, не соответствовало действительности. Фет не оставил без внимания это заявление: «В Ваше стеклышко, — отвечал он Шейну 24 апреля 1888 года, — Вам кажется, что Вы отрекомендовали меня Я. К. Гроту и выхлопотали мне Пушкинскую премию, тогда как в действительности я, до минуты присуждения Академией мне премии за Горация, ни слова об этом не знал, и предложил мой перевод на соискание не Грот, а А. Н. Майков» (см. письмо 1). В подтверждение этому следует привести письмо Н. Н. Стрехова к Фету от 12 октября 1884 года: «Сегодня <...> Вам присуждена Академиею за Горация Пушкинская большая премия, 1000 рублей. Майков (конечно, Аполлон), который и <д>в<и>гал это дело, и был приглашен в комиссию как эксперт, очень усердствовал в заседании и находился в большой радости от успеха».⁵

Следует привести основные факты биографии корреспондента. Родился Шейн в 1826 году в Могилеве в семье еврейского коммерсанта. После болезни в 13 лет был частично парализован и до конца жизни ходил на костылях; в 1843 году отец привез его в Москву, где он лечился в Ново-Екатерининской больнице (1843—1846). В 1848 году принял христианство (лютеранство). Окончив немецкое училище при лютеранской церкви в Москве (1851), работал воспитателем в помещичьих усадьбах (1851—1860). Летом 1861 года по приглашению Л. Н. Толстого преподавал русский язык в яснополянской школе; жил в разных краях России, служил уездным учителем немецкого и русского языков в училищах и гимназиях Тулы, Епифани, Калуги, Витебска, Шуи, Зарайска (1861—1881). В конце 1850-х годов, живя в Москве в доме Ю. Ф. Самарина, Шейн входил в кружок членов Общества истории и древностей российских и Общества любителей российской словесности при Московском университете, посещал их заседания. В этой атмосфере он проникается идеями славянофильства и народности и до конца жизни остался, по словам Н. И. Костомарова, преданным «всею

⁴ См.: *ИРЛИ*. № 20282. Л. 1—1 об.

⁵ См.: *Фет/Стрехов*. Дополнение. С. 548.

П. В. Шейн.

Фотография Э. фон Эггерта. Рига, вторая половина 1890-х гг.

душою русскому народу, посвятив себя изучению его народности и собиранию его народных поэтических произведений».⁶ При деятельной поддержке М. Н. Лонгинова и Ф. Б. Миллера (отца В. Ф. Миллера, в будущем известного фольклориста) в 1858–1859 годах Шейн подго-

⁶ *Костомаров Н. И.* Великорусская народная песенная поэзия. По вновь изданным материалам // *ВЕ.* 1872. № 6. С. 538.

товил и издал сборник стихотворений поэта-разночинца В. И. Красова.⁷ Перебиваясь частными уроками и мелкими литературными заработками, сблизился с московскими литераторами и в 1859 году начал сотрудничать в еженедельном литературно-юмористическом журнале Ф. Б. Миллера «Развлечение» (в разделе «Библиографические известия»), где помещал мелкие рецензии и аннотации на вновь вышедшие книги, среди которых следует отметить положительную рецензию на «Украинские народные рассказы» М. Вовчка, переложенные «полным мастером и хозяином русского слова» И. С. Тургеневым.⁸

Под влиянием поэта и публициста Ф. Н. Глинки, а также С. П. Шевырева, мечтавшего о составлении «Полного свода всех русских песен, сказок и пословиц», Шейн увлекся собиранием русского фольклора. Летом, выезжая со своими воспитанниками по деревням и занимаясь сбором песенного материала, он объездил Рязанскую, Псковскую, Новгородскую губернии. В 1856 году в Симбирской губернии Шейн записал песни и былины, которые вошли в его первый серьезный собирательский труд, фольклорный сборник «Русские народные былины и песни», изданный при содействии А. С. Хомякова и К. С. Аксакова в 1859 году в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» (№ 3) и получивший положительный отзыв А. Н. Афанасьева. Затем последовали: сборник «Русские народные песни, собранные П. В. Шейном» (М., 1870. Ч. 1), посвященный В. И. Далю и стяжавший восторженные отзывы О. Ф. Миллера, Я. К. Грота, Н. И. Костомарова и др.; «Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями» (СПб., 1874). Критика очень благосклонно отнеслась к первым изданиям собирателя, особенно к «Белорусским народным песням» — изданию, за которое Шейн получил от Академии наук Уваровскую академическую премию 1875 года.⁹

Помимо собирательской деятельности, с 1871 года Шейн начал работать в Русском географическом обществе. На страницах московского журнала «Этнографическое обозрение», издававшегося В. Ф. Мил-

⁷ См.: Стихотворения В. И. Красова / Изд. П. Шейна. М., 1859. Подробнее об этом издании см.: *Новиков Н. В.* Павел Васильевич Шейн: Книга о собирателе и издателе русского и белорусского фольклора. Минск, 1972. С. 24–25. Далее сокращенно: *Новиков*.

⁸ См.: *П. Ш. <Шейн П. В.>* Украинские народные рассказы Марка Вовчка. Перевод И. С. Тургенева. С.-Петербург. 1859 // *Развлечение*. 1859. 25 апреля. № 16. С. 192.

⁹ См.: *Новиков Н. В.* Деятельность П. В. Шейна в 70-е годы (сборник «Белорусские народные песни») // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. М., 1963. Вып. 2. С. 94. См. также: *Миллер О. Ф.* Отчет о восемнадцатом присуждении наград Уварова 25 сентября 1875 г. СПб., 1876. С. 54–59.

лером, он опубликовал многочисленные заметки и статьи по русской лингвистике, этнографии и фольклору. Однако официальным его занятием, необходимым для существования, до 1880 года продолжало оставаться учительство. «Что же сделано было для того, — писал о Шейне один из его биографов А. Е. Грузинский, — чтобы этот беспримерный труженик во славу русской народности имел возможность спокойно предаваться своей полезной работе? Он должен был снискивать пропитание учительским трудом, а тем, что было всего нужнее для общества и для него, заниматься „в свободное от службы время“, тратя на свои ежегодные этнографические поездки по России скудные учительские гроши».¹⁰ Вскоре, выйдя в отставку, ученый поселился в Петербурге (1881–1900), целиком посвятив себя научной работе.

По поручению Я. К. Грота, с 1886 года ученый принял участие в подготовительной работе по составлению нового академического «Словаря русского языка», занимаясь выборкой слов и оборотов из произведений обширного списка классиков русской литературы (Пушкин, Е. А. Боратынский, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, И. А. Крылов, А. К. Толстой, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Я. П. Полонский,¹¹ а также И. С. Тургенев,¹² Фет и др.). 20 сентября 1891 года Шейн вступил в полемику с редактором «Словаря» Я. К. Гротом, стремившимся сузить количество литературных источников, и изложил собственную концепцию о необходимых для «Словаря» широких источниках выборок: «...в деле словарном всякий истинно русский человек, даже не по рождению, — даже не ученый, может внести свою лепту в сокровищницу отечественного слова».¹³

¹⁰ Грузинский А. Е. П. В. Шейн // Помощь евреям, пострадавшим от неурожая. Литературно-художественный сборник. СПб., 1901. С. 267.

¹¹ В недатированном письме, вероятно от лета — осени 1889 г., Шейн писал Полонскому: «...я окончил извлечение слов для академического словаря из Ваших поэтических (стихотворных) произведений, назначенных мне для этой цели Я. К. Гротом» (см.: *ИРЛИ*. № 12627. Л. 25). Сделав по указанию редактора «Словаря» выборки только из стихотворных произведений Полонского, Шейн писал Гроту 16 декабря 1890 г.: «Я и сделал, что мог, по Вашему предписанию, хотя в душе был убежден, что у Полонского и в прозаических произведениях нашлось бы немало годных для словаря слов, так как этот писатель жил и действовал в разных концах России, видел гораздо больше людей и чаще был с ними в столкновении, чем А. Майков» (см.: *Новиков*. С. 41–42). С Полонским Шейн познакомился в 1867 г., был дружен и состоял в переписке (письма Полонского к Шейну см.: *ПФА РАН*. Ф. 104 (П. В. Шейн). Оп. 2. № 166). В петербургский период жизни ученый был одним из постоянных посетителей «пятниц» Полонского (см.: *Новиков*. С. 203).

¹² О выписках из Тургенева см. письмо Шейна к Я. К. Гроту от 31 декабря 1891 г.: *ИРЛИ*. № 16219. Сб. 11. Л. 33.

¹³ См.: Там же. Л. 45.

28 декабря 1890 года Шейн, обсуждая с Я. К. Гротом свою работу по дополнению академического «Словаря», — выписка слов и оборотов из литературных произведений — упомянул об изданиях Фета, необходимых ему для работы: «Я сам был того мнения, что из Майкова, Полонского и Фета следует выписать побольше слов <...>. Выписками из Фета я не мог и не могу заняться потому, что у меня нет полных его сочинений. Года три тому назад он мне прислал только три части своих „Вечерних огней“, но их взял у меня на время покойный Ор. Ф. Миллер и не успел мне их возвратить и умер. Думаю, если Вы напишете словечко А. А. Шеншину, то он охотно пришлет бы (так! — С. И.) мне все свои сочинения с недавно вышедшими его „Воспоминаниями“ включительно, если только узнают (так! — С. И.), для какой цели. А я, с своей стороны, охотно позанялся бы изучением заключающегося в них словарного материала, который (так! — С. И.), по-моему, окажется немало, особенно в последних его произведениях. Фет тоже человек бывалый и *видалый*».¹⁴ Через две недели, 13 января 1891 года, Шейн вновь обратился к Гроту: «Как Вы решили насчет Фета и Вяземского? Постоянно читать одного Салтыкова-Щедрина весьма скучно и утомительно».¹⁵ Вероятно, поэт удовлетворил просьбу предоставить свои книги, так как 25 февраля 1892 года он писал Шейну: «Помнится, что я имел случай передать Вам все изданные мною сочинения» (см. письмо 5). Остается неизвестным, в какой мере этому способствовал Грот. Цитатами из сборников «Вечерние огни» снабжены такие словарные статьи, как «Базар», «Беспутный», «Ворот» и многие другие.¹⁶

Круг общения Шейна, судя по его переписке, был довольно обширен и не ограничивался миром ученых и общественных деятелей: С. П. Шевырев, В. Ф. Миллер, Т. И. Филиппов, Я. К. Грот, К. Н. Бестужев-Рюмин, Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский, А. Н. и Л. Н. Майковы и многие другие. Н. И. Костомаров, восхищенный научной преданностью Шейна, писал: «Такое лицо, свято и бескорыстно посвятившее себя прекрасному делу, полезному для отечественной науки, достойно того, чтобы помочь ему, а помочь ему можно только одним — даровать ему средства и содействие к продолжению своего дела. <...> Дай Бог, чтобы на Руси не переводились такие почтенные труженики».¹⁷

¹⁴ См.: *ИРЛИ*. № 16219. Сб. 11. Л. 16 об.—17. К слову «*видалый*» Шейн сделал примечание: «Это слово записано мною в Москве от извозчика» (Л. 17).

¹⁵ См.: Там же. Л. 20.

¹⁶ См.: Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. СПб., 1891. Вып. 1: А—Втас. Стб. 95, 157, 514 и др. (имя Шейна как одного из составителей Словаря указано на С. XII).

¹⁷ *Костомаров Н.* Великорусская народная песенная поэзия. С. 539—540.

Я. К. Грот.

Фотография В. Класена. Петербург, конец 1880-х гг.

Шейн состоял в переписке не только с учеными, но и со многими литераторами, среди которых были Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский,¹⁸ Д. В. Григорович, П. В. Анненков, И. С. Тургенев и др.¹⁹ Основное со-

¹⁸ Возможно, в 1865 г. Шейн обращался к Достоевскому с предложением о публикации в «Эпохе» собиравшегося им песенного материала (см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 2: Письма. 1860–1868. С. 523, 604).

¹⁹ См. личный фонд Шейна: *ПФА РАН*. Ф. 104. Оп. 2.

держание его писем, помимо научного общения, — это, как правило, поиски средств для продолжения собирательской работы, хлопоты о напечатании своих трудов, жалобы на одиночество, притеснения учебного начальства, нищенскую пенсию и бедственное существование калеки. Так, 24 июня 1880 года Тургенев, отвечая просителю на его письмо из Калуги (неизвестно), сообщал, что написал министру народного просвещения А. А. Сабурову письмо (неизвестно), в котором «изложил все Ваши права на поддержку и поощрение со стороны правительства; не знаю, увенчается ли мое ходатайство успехом». Вместе с письмом к ученому Тургенев вернул присланную им «весьма дельную» статью Е. Л. Маркова («Труженики русской народности»), посвященную собирательской деятельности Шейна и необходимости его материальной поддержки.²⁰ 24 сентября 1880 года Шейн сообщал Я. К. Гроту, что Сабуров хлопочет о «названной пенсии, о чем его просил и Ив. С. Тургенев».²¹

Летом 1881 года Шейн без приглашения приезжал в Спасское²² и обратился к Тургеневу с просьбой похлопотать не только об издании собранных им песен, но и об увеличении назначенной ему учительской пенсии. Писатель, как всегда, откликнулся на призыв о помощи.²³ Пенсия ученому в 750 рублей была назначена с ноября 1881 года; но, как пишет биограф Шейна, «понадобились хлопоты и знакомства, подходы и выискивание удобных случаев и подходящих моментов; понадобилось доброе сердце А. Н. Майкова и хорошее расположение духа министра финансов Вышнеградского», чтобы к 1884 году, в связи

²⁰ См.: *Тургенев. Письма (1)*. Т. 12. Кн. 2. С. 279, 569. См. также: *Марков Е.* Труженики русской народности (Письмо в редакцию) // *Голос*. 1877. 8 апреля. № 96. С. 1–2; *Белов Е.* Труженики русской науки и славянский вопрос // *Русский мир*. 1877. 21 апреля. № 105. С. 1–2.

²¹ См.: *ИФА РАН*. Ф. 137. Оп. 3. № 1026. Л. 233–233 об.

²² Пребывание Шейна в Спасском летом 1881 г. в «Летописи» Тургенева не отмечено (см.: *Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1876–1883)* / Автор-сост. Н. Н. Мостовская. СПб., 2003). «...Меня загнало к И<вану> С<ергеевичу> в деревню мое горе-злосчастье, с одной стороны, — писал он о причинах визита Я. П. Полонскому 24 декабря 1881 года, — и теплое отношение нашего гуманного романиста к моей судьбе, с другой. Получивши от добрейшего Т. И. Филиппова уведомление, что его хлопоты не увенчались успехом и мне назначена пенсия только 750 р. в год, т. е. почти полов<ина> того, что я получал на службе и чем существовать мне, полубольному человеку, весьма трудно, я решил съездить к глубокоуважаемому Ивану Сергеевичу просить у него совета и помощи, на что он меня вполне уполномочил уже тем одним, что дал мне, при первом же нашем свидании, все свои адреса и сам вызвался употребить, где будет нужно, все свое влияние для улучшения моей незавидной участи» (*ИРЛИ*. № 12627. Л. 15 об.—16).

²³ См.: *Тургенев. Письма (1)*. Т. 13. Кн. 1. С. 115, примеч. на с. 465.

с 25-летием его собирательской деятельности, пенсия увеличилась до 1000 рублей в год.²⁴ Вскоре, 23 июня 1891 года, министерство народного просвещения назначило ему за особые ученые труды по собиранию памятников народного творчества вторую пенсию в размере 750 рублей в год вдобавок к получаемой пенсии за учительскую службу.²⁵ С просьбой о пенсии и временных пособиях Шейн неоднократно (с 1876 по 1897 год) обращался в Литфонд; просьбы его, как правило, удовлетворялись, а с 1 июня 1885 года ему была назначена пенсия от Литфонда в размере 180 рублей в год.²⁶

В 1899 году, к 40-летию своей научной деятельности, у Шейна вновь возникла надежда на признание его заслуг, о которых, как ему казалось, почти забыли: «Ведь это нужно было бы мне, — писал он А. Е. Грузинскому, — не ради славы или карьеры (не в мои лета об этом думать), а единственно для того, чтобы в высших сферах заинтересовались Шейном, как нелишним для отечественной науки чернорабочим, поддержать силы которого есть нравственный и, пожалуй, гражданский долг людей, власть имущих», а для «такой поддержки всего-то на всего потребовалась бы прибавка к пенсии, мной получаемой, рублей в 600».²⁷

Следует назвать основные труды Шейна, составившие ему в ученом мире славу деятельного и даровитого фольклориста-собиравателя: «Русские народные песни» (М., 1870. Ч. 1),²⁸ «Белорусские народные

²⁴ См.: *Грузинский А. Е.* П. В. Шейн. С. 268.

²⁵ См.: *Новиков.* С. 43–44.

²⁶ На заседании Литфонда от 19 июня 1884 г. В. П. Гаевский сообщил о получении им официального письма министра народного просвещения И. Д. Делянова (от 23 мая 1884 г.), «который, описывая бедственное положение отставного учителя, известного собирателя „Русских народных песен“ *П. В. Шейна*, просит о назначении ему пенсии», так как получаемая им казенная пенсия в 600 рублей «недостаточна» (см.: *ИРЛИ.* Ф. 155. 1884. Кн. 1. Л. 598 об.—599; 1884. Кн. 2. Л. 403). В этом письме Делянов подчеркнул, что Шейн «обращался неоднократно в министерство народного просвещения с ходатайством о назначении ему из сумм казны денежного вспомоществования на издание собранного им в продолжение 24-х лет» с большими «материальными пожертвованиями весьма ценного для науки материала великорусских бытовых и исторических песен, обрядов и проч. Даруемые г. Шейну с этой целью казною от времени до времени незначительные денежные суммы» не дают «ему средств к окончанию начатого им многосложного научного труда» (см.: Там же. Кн. 1. Л. 624–626).

²⁷ Цит. по: *Грузинский А. Е.* П. В. Шейн. С. 269. В связи с 25-летием научной деятельности Шейн был удостоен золотой медали Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

²⁸ Начало второй части («Песни былевые») опубликовано: Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1877. Кн. 3. С. 1–32.

песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний» (СПб., 1874), «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» (1887—1893),²⁹ «Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.» (СПб., 1898—1900. Т. 1. Вып. 1—2.) и др.³⁰

В. В. Розанов, едва знавший Шейна, после смерти собирателя узнал о его трудах и выразил свое восхищение: «Не многим известно, что один еврей, именно — покойный Шейн, сделал нечто напоминающее труд и подвиг Даля: он целую жизнь свою положил на собирание обрядовых песен русского народа и на их объяснение. <...> Имя Шейна мало известно, но, конечно, заслуга человека оценивается не по приобретенной известности, а по любви и по таланту, какие внес он в свой труд. Время оценки Шейна настанет».³¹ Позже писатель вернется к этой теме и посвятит Шейну отдельный небольшой очерк, озаглавленный «А Шейн?..», в котором выразит свою благодарность за подвижнический труд ученого: «Видел его только один раз, на две минуты незначашего разговора: грузный, неуклюжий, прихрамывающий, смуглый. „Человек как человек, не интересно“ ... Только впоследствии, увидев два тома „Русских народных песен, бытовых, свадебных, весенних, зимних“ и проч., с их вариантами (особенно важно!), я изумился труду и поклонился низко, низко человеку, поклонился от имени всего русского народа! Мне кажется, я это вправе сделать: я — русский. Шейн уже умер, когда я впервые увидел его труд, и мой поклон собственнно его могиле не мог дать ему лично ничего. Песни обставлены примечаниями, предисловиями, послесловиями, — сообщениями о певцах и о губерниях, уездах и селах, где Шейн их собрал. Указаны мотивы их, напевы; собраны мельчайшие бытовые черточки, окружающие песню. Послушайте, ведь это целая жизнь, положенная на одно дело, ничего не обещавшее человеку в смысле выгоды или почестей. Можно ли же было сделать это дело, не полюбив глубоко, беззаветно, до экстаза, тихого и длившегося всю жизнь, конечно, самой *песни* — это во-первых, но и, конечно, — самого *певца*, т. е. *народа*».³²

²⁹ См.: Сб. ОРЯС. 1887. Т. 41. № 3; 1890. Т. 51. № 3; 1893. Т. 57.

³⁰ Обширный перечень литературы о Шейне приводится в книге: *Новиков*. С. 194—197.

³¹ См.: *Розанов В. В. Пестрые темы (1908) // Розанов В. В. Полн. собр. соч.: В 35 т. Серия «Литература и искусство»: В 7 т. СПб., 2016. Т. 4: О писательстве и писателях. Статьи 1908—1911 гг. С. 68.* Здесь Розанов имел в виду монументальный труд Шейна «Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.».

³² См.: Там же. С. 173—174.

Письма публикуются по подлинникам: три письма Фета к Шейну — ПФА РАН. Ф. 104. Оп. 2. № 212 (все они написаны рукой секретаря, только заключительные фразы и подписи — рукой Фета); два письма Шейна — РГБ. Ф. 315. К. 12. № 51. Письма воспроизводятся в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных особенностей авторского написания, сохраняемых в публикации. Искренне благодарю Т. Г. Иванову, любезно прочитавшую мою работу и высказавшую ряд ценных замечаний.

1

Фет — Шейну

24 апреля 1888 г. (?). Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ
КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

24 апреля.

Многоуважаемый Павел Васильевич!

Благодарю Вас за присылку Вашего белорусского сборника,¹ который я вчерашнего числа получил вместе с письмом Вашим, адресованным на Плющиху,² тогда как мы с третьего марта уже в Воробьевке,³ о чем я в данном случае жалею, так как отсюда не могу отвечать Вам на Вашу любезность высылкою тех из моих книг, которые бы Вам угодно было получить.⁴ Но первого октября надеюсь, если доживу, быть в Москве и тогда по указанию Вашему тотчас же вышлю по Вашему адресу желаемые Вами книги. Опасаясь опрометчивых суждений, я два раза со вниманием перечел Ваше письмо и пришел к убеждению, что я совершенно прав, считая, что кабинетные люди мало соприкасаются с действительностью и, привыкши смотреть на отвлеченно возможное, но не действительное, могут являться для людей поверхностных совершенно непонятными. В Ваше стеклышко Вам кажется, что Вы отрекомендовали меня Я. К. Гроту⁵ и выхлопотали мне Пушкинскую премию,⁶ тогда как в действительности я, до минуты присуждения Академией мне премии за Горация, ни слова об этом не знал, и предложил мой перевод на соискание не Грот, а А. Н. Майков.⁷ Но если допустить мысль, что я был отрекомендован Вами Я. К. Гроту, у которого я был с визитом благодарности за внимание, то еще менее будет понятно, как я при кратком формальном посещении стал бы рекомендовать хозяину того, кто доставил мне к нему доступ.⁸ Если Вы бываете у Якова Карловича, то он мог бы Вам сообщить, что я и истекшею зимой был в Петербурге⁹ и по болезненности моей даже не удосужился быть у него. Когда лет пять тому назад Вы навели нас в Воробьевке,¹⁰ то и тогда, на мой

взгляд, здоровье Ваше не позволяло Вам передвижений; а что людям постоянно хочется недостижимого — такая избитая правда. Никакие статистические таблицы не в силах убедить наших кабинетных людей, что землевладение в настоящее время есть бедствие, невыносимое даже для людей сильных и молодых. Вы рветесь из города, а я также ревностно рвусь в город и считал бы себя блаженнейшим человеком, если бы мог залезть в свою ореховую скорлупу на Плющихе, и уже оттуда ни шагу — ни летом, ни зимой. В деревне было время, что мы радовались посещению гостей, но принимать гостей можно, только заботясь о них. А это невозможно со стороны хворых людей, требующих ежеминутных попечений о них самих. О денежных средствах при таких условиях нечего и помышлять. Сельская экономия в наши дни сделалась синонимом аукционной продажи. Все мною высказанное я могу подтвердить фактами. Но если Вы и затем не измените Вашего взгляда на меня, то не удивляйтесь, что и я не в состоянии изменить своего воззрения на коротко мне знакомые вещи.

Марья Петровна благодарит Вас за внимание, а я смею Вас заверять в неизменности моих к Вам чувств.^a

Ваш покорнейший слуга
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИФА РАН*. Ф. 104. Оп. 2. № 212. Л. 1—2 об. Письмо написано рукой секретаря; подпись — автограф.

Год написания письма (1888) устанавливается по содержанию письма Шейна от 29 января 1889 г., отвечавшего на «прошлогоднее письмо» Фета (см. примеч. 2 к письму 2), а также по упоминанию Фета о том, что «истекшею зимой» он был в Петербурге.

¹ Возможно, речь идет о книге «Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний. Сборник П. В. Шейна» (СПб., 1874) или об отдельном издании первого тома (СПб., 1887. Ч. 1: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях) одного из главных трудов ученого «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном» (СПб., 1887—1902. Т. 1—3); см. также: Сборник ОРЯС. 1887. Т. 41. № 3. Местонахождение подаренного экземпляра, скорее всего имевшего дарственную надпись, неизвестно. См. примеч. 1 к письму 4.

² Письмо Шейна, на которое отвечает Фет, неизвестно.

³ В 1878—1892 гг. Феты обычно на время с 1 марта по 1 октября переезжали из Москвы в свое курское имение Воробьевка, приобретенное в 1877 г.

⁴ В письме к Фету от 29 января 1889 г. Шейн спрашивал, сколько выпусков «Вечерних огней» появилось в печати, и сообщал, что у него есть только первый

^a *Далее рукой Фета.*

(1883), который мог быть ему подарен поэтом еще в 1883 г. (см. письмо 2 и примеч. 5 к нему). 6 февраля 1889 г. Фет выслал Шейну, по его просьбе, второй и третий выпуски «Вечерних огней» (см. примеч. 3 к письму 3). В декабре 1890 г. Шейн обратился к Я. К. Гроту, чтобы тот попросил Фета выслать ему вновь «все сочинения с недавно вышедшими его „Воспоминаниями“» для использования текстов в работе по составлению академического «Словаря русского языка». Фет удовлетворил эту просьбу.

⁵ Грот Яков Карлович (1812–1893), филолог, историк литературы, лексикограф, переводчик; академик Петербургской Академии наук (с 1855 г.), вице-президент Российской императорской Академии наук (с 1889 г.), автор ряда трудов по русской истории, языку и словесности. Последние два года жизни возглавлял издание академического «Словаря русского языка» нормативного типа (вышло начало, буквы А–Д; СПб., 1891); занимался словарем и стилем отдельных писателей (Словарь к стихотворениям Державина. СПб., 1883).

Фет познакомился с Я. К. Гротом через Н. П. Семенова в конце 1864 г. В 1884 г. Грот, будучи сам переводчиком и разделяя фетовские принципы перевода, стал инициатором (при деятельном участии Н. Н. Страхова и А. Н. Майкова) выдвижения Фета на Пушкинскую премию от Академии наук (см. примеч. 6, 7 к наст. письму).

⁶ В октябре 1884 г. за переводы из Горация (К. Гораций Флакк в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883) Фет получил «большую» (первую) Пушкинскую премию Академии наук, а 29 декабря 1886 г. был избран ее членом-корреспондентом. По мнению Я. К. Грота, «главным основанием» премии Фету «послужила» рецензия И. В. Помяловского (см.: Грот Я. К. Отчет о деятельности второго отделения имп. Академии наук за 1884 год // Сборник ОРЯС. 1885. Т. 36. № 2. С. 24), которая была заказана ученому-классику Академией наук (см. ее текст: *Помяловский И. В. К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. Москва 1883 // Там же. 1884. Т. 36. № 4. С. 1–62, отд. паг.*). Еще ранее вышла рецензия латиниста В. И. Модестова, который, отметив отдельные неточности перевода, назвал его «капитальным приобретением русской литературы» и приравнял труд Фета к труду Н. И. Гнедича, переводчика «Илиады» (см.: Новости и Биржевая газета. 1884. 24 января. № 24; цит. по: *Фет/Страхов. С. 374*).

⁷ Майков Аполлон Николаевич (1821–1897), поэт, член-корреспондент Академии наук (с 1853 г.). Первоначально предполагалось выдвинуть на Пушкинскую премию опубликованные недавно новые стихотворения и стихотворные переводы Фета. О роли Майкова в хлопотах по включению Фета в список кандидатов на Пушкинскую премию говорится в письме к поэту от 6 января 1884 г. Н. Н. Страхова, также принявшего в них деятельное участие: «...позвольте Ваши „Огни“ представить на премию Пушкина. Для этого нужно два экземпляра: один Гроту, а другой А. Н. Майкову, который почти уговорился с Гротом, что примет разбор на себя. Если не пришлете, то разрешите мне купить на Ваши деньги 2 экземпляра „Огней“ — я раздам по принадлежности» (см.: *Фет/Страхов. С. 368*). О дальнейшем вкладе Майкова в принятие решения комиссией Страхов сообщил Фету 12 октября 1884 г. (см.: Там же. С. 548). Свою признательность Майкову Фет выразил в стихотворении «А. Н. Майкову (На сочувственный отзыв о переводе Горация)» («Кто сам так пышно тогу эту...»), вложенном в письмо к Майкову от 15 октября 1884 г. и вошедшем во второй выпуск «Вечерних огней» (М., 1885) (см.: *Фет. ССUII. Т. 5. Кн. 1. С. 169, 559–561*).

⁸ Вероятно, Шейн в неизвестном письме, на которое отвечает Фет, просил поэта порекомендовать свою кандидатуру Я. К. Гроту для какой-то работы.

⁹ Поэт прибыл в Петербург 14 декабря 1887 г. по причине тяжбы с крестьянами Воробьевки из-за земельного вопроса, где пробыл неделю, занимаясь исключительно казенными хлопотами (см.: *МВ*. Ч. 2. С. 399). 19 января 1888 г. Я. К. Грот писал Фету: «Очень сожалею, что хлопоты Ваши во время краткого пребывания в Петербурге лишили меня возможности повидаться с Вами» (см.: *ИРЛИ*. № 20282; о тяжбе см. также: *Фет/Полонский*. С. 720, примеч. 17 к письму 67; *Фет/К. Р.* С. 656, примеч. 1 к письму 35).

¹⁰ Шейн гостил в Воробьевке во второй половине августа 1883 г. (см. вступит. статью к наст. публикации).

2

Шейн — Фету

29 января 1889 г. Петербург

29-го янв. 1889 г. С.-П<етербург>.

Новая Ямская, д. 21, кв. 6.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Как старинный Ваш знакомый и искренний, горячий поклонник Вашей музыки я не могу не высказать Вам своей душевной радости по поводу того живого, задушевного сочувствия, которым весь просвещенный русский мир встретил многознаменательный день пятидесятилетнего юбилея Вашей плодотворной поэтической и литературной деятельности.¹ Дай Бог Вам силу и крепость телесную и духовную для продолжения и успешного окончания Ваших текущих, начатых и намеченных Вами работ на пользу родной словесности.

Сердечно сожалею, что мне не привелось быть участником во вчерашнем Вашем торжестве, которое в то же время можно безошибочно назвать торжеством русской поэзии, русской мысли, русского общественного самопознания. Будь мои финансовые средства не до такой степени скудны, я бы непременно норовил съездить в Белокаменную (куда побывать мне необходимо) непременно так, чтобы попасть на Ваш юбилей и выразить Вам лично свое поздравление.

Скорблю душою, что Вы, судя по Вашему прошлогоднему письму, на меня вознегодовали будто за мое бесхитростное напоминание о том, что Вы обещали непременно отыскать меня в Питере в случае приезда Вашего туда.² Из этого, по-моему, Вы могли видеть только то, что я высоко ценю Ваше доброе ко мне расположение, не изменившееся в течение более четверти столетия,³ и дорожу каждой строкой Ваших произведений.

Ф 2127 1

29го Янв. 1889г. С. П. Ковалев
Ямская, д. 21, кв. 6

Многу уважае мнѣ
Александр Александрович!

Какъ старикъ вы являетъ знакомый и
искренній, горячій поклонокъ вашей
мужъ я не могу не высказать вамъ
своей душевной радости по поводу того
живого, здѣшнскаго сочувствія, кото-
рымъ весь превращенный русскій миръ
встрѣтилъ многоуважаемаго
вашей плодотворной поэтической
и литературной дѣятельности. Да
было вамъ силу и крѣпость мысли и
и душевного для произведенія и осуществленія
идеаловъ вашихъ въ тебѣ, каки-
тъ и напечатанной великой работѣ по
поводу рѣшительности.

Сердечно сочувствую, что мы не при-

Как здоровье многоуважаемой, добрейшей Марьи Петровны? Постигшее ее несчастье меня поразило не менее других, ее близко знающих.⁴ Будьте так добры передать ей от меня усерднейший поклон.

Сколько частей уже вышло «Вечерних огней»? Я имею от Вас с надписью только I-ую часть.⁵

Если у Вас окажется лишний досуг, то крайне бы меня обязали сообщением, хоть самым беглым — в несколько строк, Вашего мнения о первой части моих «Материалов для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края».⁶

С искреннейшим, неизменным сочувствием к Вашей ободряющей, освежающей душу творческой деятельности и глубоким уважением остаюсь навсегда Вам преданный

П. Шейн.

На конверте:

В Москву.
Его Высочородио
Афанасию Афанасьевичу
Шенишину (Фету).
Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 30 янв. 1889; 2) Москва, 31 января 1889.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 51. Л. 1—2; конверт — л. 1.

¹ 28 и 29 января 1889 г. в Москве праздновался 50-летний юбилей творческой деятельности Фета, который писал Полонскому 23 мая 1888 г.: «...основание к пятидесятилетнему поминанию моей музы с полным правом наступит в декабре этого года или в январе 1889 г., когда желтая тетрадь моих стихов, одобренных Гоголем, стала ходить по рукам университетских товарищей и несколько стихотворений из нее перешли в „Лирический Пантеон“, напечатанный в сороковом году» (*Фет/Полонский*. С. 645).

Подробное описание юбилейных торжеств, состоявшихся 28 и 29 января, публиковалось в ряде московских и петербургских газет. См., например: *МВед*. 1889. 28 января. № 28. С. 3—4; 29 января. № 29. С. 4—5; 30 января. № 30. С. 2—3; 31 января. № 31. С. 5; 1 февраля. № 32. С. 6. В первый день Фет принимал поздравления у себя на Плющихе, во второй день состоялась подписной обед, устроенный московским Психологическим обществом в ресторане гостиницы «Эрмитаж» (см.: *Садовской Б.* Юбилей А. А. Фета // Садовской Б. Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 187—192).

² Письмо Фета с обещанием навесить Шейна в Петербурге неизвестно.

³ Это единственное свидетельство о том, что знакомство Фета и Шейна состоялось в начале 1860-х гг. Подробнее см. вступит. статью.

⁴ 1 января 1889 г. М. П. Фет сломала руку, о чем сообщалось в газетах (см.: *НВр*. 1889. 9 января. № 4621. С. 3). 7 января 1889 г. Фет писал Полонскому: «Накануне Нового года <...> вечером жена моя вернулась с семейного обеда у брата Дмитрия с левой рукою, переломленной наехавшим на ее сани извозчиком. Теперь рука у нее

в гипсовой повязке, и по крайней мере прекратились страшные страдания, нераздельные с костоправом и воспалением» (*Фет/Полонский*. С. 702).

⁵ К этому моменту Фет выпустил три сборника стихотворений под общим заглавием «Вечерние огни» (1883, 1885, 1889). О высылке Шейну второго и третьего выпусков см. примеч. 3 к письму 3.

⁶ Речь идет о посланных ранее Фету «Материалах для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» (СПб., 1887. Т. 1. Ч. 1: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. Сб. ОРЯС. Т. 41. № 3). Отклик Фета см. в письме 3.

3

Фет – Шейну

6 февраля 1889 г. Москва

МОСКВА
ПЛЮЩИХА, СОБ. ДОМ

6 февраля 1889.

Многоуважаемый Павел Васильевич!

Искренно благодарю Вас за любезное поздравление с пятидесятилетним рубезом, за который перевалилась моя Муза.¹ В подобном случае поздравления всецело относятся к прошедшему, а не к будущему.

Со вниманием и удовольствием прочитывал я Ваш материал, представляющий капитальный вклад в изучение нашей народности во всех ее оттенках.²

Спешу с своей стороны пополнить пробел, оказывающийся у Вас в «Вечерних огнях». Прилагаю последних два выпуска.³

Жена моя усердно благодарит Вас за участие.^a

Искренно признательный

Ваш

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ПФА РАН*. Ф. 104. Оп. 2. № 212. Л. 3–3 об. Письмо написано рукой секретаря; заключительная фраза и подпись — автограф.

¹ См. письмо 2.

² Речь идет о первом томе (СПб., 1887. Ч. 1) одного из главных трудов Шейна «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края», подаренном Фету ранее (см. примеч. 6 к письму 2). Позже Шейн подарил Фету продолжение издания (см. письмо 4 и примеч. 1 к нему).

³ Местонахождение присланных Фетом экземпляров второго (М., 1885) и третьего (М., 1888) выпусков «Вечерних огней», как и первого выпуска (М., 1883), подаренного ранее, неизвестно. См. примеч. 5 к письму 2.

^a Далее рукой Фета.

Шейн — Фету

6 мая 1891 г. Петербург

С.-Петербург. Коломенская улица, д. 7, кв. 26.

6-го мая 1891 г.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

В надежде, что письмо мое еще застанет Вас в Москве, я решаюсь обеспокоить Вас напоминанием о благом Вашем намерении ознакомить публику, читающую «Московск<ие> ведомости», с содержанием и духом 2-ой части 1-го тома моих «Материалов для изучения быта и языка русского населения Северо-Западн<ого> края»,¹ чем Вы оказали бы мне добрую услугу.² Ваше авторитетное слово немало бы подействовало к скорейшему сбыту моего многолетнего труда, в гонорар за который я получил от Академии 800 экзempl<яров>, часть которых я раздарил, а остальные лежат без движения в книжных складах наших книжников и фарисеев. Кроме скудной пенсии³ и надежды на кое-какую денеж<к>у <от> своих сборников, у меня решительно нет никаких других источников дохода. Все, что учитель гимназии, при трезвой и скромной холостой жизни, может сберечь из обрезков своего жалованья в течение своей службы, я без оглядки жертвовал в пользу собрания этнографических и диалектологических материалов Великой и Белой Руси, так что в сложности вышла бы сумма тысяч в 15 р., процент с которой (вместе с пенсией) могла бы мне обеспечить безбедное существование на старости лет. Вы спросите, почему я так нерасчетливо действовал? — А потому (отвечу Вам), что идея *быть полезным людям вообще, а русскому народу в особенности* по мере своих сил и умения завладела всецело мною с самых юных лет и предносилась передо мною путеводным маяком, как огненный столб перед скинией завета израильтян во время их блужданий по Аравийской пустыне⁴ — во всю *беспутную* дорогу моей безотрадной, многострадальной и некротковременной жизни. А так как при появлении первых моих попыток на поприще собирательства все присяжные судьи в области ученой этнографии, мифологии и вообще народоведения весьма сочувственно стали о них отзываться в первостатейных органах литературы и прессы, как у нас, так и за границей,⁵ и ободрять меня к дальнейшей деятельности по новому, намеченному пути, а в особенности, когда собранными мною данными стали пользоваться специалисты всех дисциплин гуманитарных наук, то я решил в душе, что мой гражданский долг не уклоняться в сторону от так счастливо начатой мной деятельности на благо отечественной науки и жертвовать для возможного приближения к этой

цели всем, чем могу располагать: здоровьем, материальными средствами, трудом и лишениями всякого рода. Только изредка, как сквозь туман, возникала в моей жизни тень надежды, что, авось, на старости лет люди, власть имущие, призванные тщись, между прочим, о разъяснении многих темных, задернутых мраком сторон исторической и бытовой жизни великого народа, позаботятся сколько-нибудь об обеспечении материального существования такого страстного, нерасчетливого труженика науки, как Ваш покорнейший слуга. Эта надежда хотя и не сбылась, но бросить свое жизненное дело не могу и обречен тянуть и дотягивать свою лямку до гроба, что бы там со мною ни случилось, не изменю своему знамени. Простите великодушно за высказанные мною неутешительные чувства и думы: от полноты сердца уста глаголят.⁶ — Не найдете ли возможность наделить меня по экземпляру из следующих Ваших трудов? — «Стихотворения» изд<ания> Солдатенкова,⁷ изд<ания> соч<инений> Шопенгауэра в Вашем переводе⁸ и изд<ания> переводов классич<еских> поэтов.⁹ Прошу Вас передать мой усерднейший поклон Марье Петровне.

Неизменно Вам преданный П. Шейн.

На конверте:

Его Высочородию
Афанасью Афанасьевичу
Шейнину.
В *Москву*, на Плющихе,
собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 8 мая 1891; 2) Москва, 12 мая 1891.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 12. № 51. Л. 3–4 об; конверт — л. II.

¹ Речь идет о второй части отдельного издания первого тома (СПб., 1890. Ч. 2: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях) труда Шейна «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном» (СПб., 1887–1902. Т. 1–3); см. также: Сборник ОРЯС. 1890. Т. 51. № 3. Местонахождение подаренного экземпляра отдельного издания, скорее всего, имевшего дарственную надпись, неизвестно. См. также: примеч. 6 к письму 2, примеч. 2 к письму 3.

² На эту просьбу Шейна Фет, по-видимому, не откликнулся. См. также письмо 5.

³ 23 июня 1891 г. Министерство народного просвещения за особые ученые труды по собиранию памятников народного творчества назначило Шейну дополнительную пенсию в размере 750 рублей в год вдобавок к получаемой пенсии за учительскую службу (см.: *Новиков*. С. 43–44). Кроме того, с 1 июня 1885 г. ему была назначена пенсия от Литфонда в размере 180 рублей в год (см.: *ИРЛИ*. Ф. 155. 1884. Кн. 1. Л. 598 об.—599; 1884. Кн. 2. Л. 403). В хлопотах об увеличении учительской пенсии Шейну принимал участие и И. С. Тургенев.

⁴ В Ветхом завете говорится, что после исхода евреев из Египта, при вступлении в пустыню, Бог шествовал перед ними днем в виде столба облачного, а ночью в виде столба огненного, «чтобы указывать им путь днем и ночью» (Исх., 13, 21, 22, 14, 19). *Скиния* — походный храм евреев.

⁵ Среди рецензентов на первые фольклорные труды Шейна были: А. Н. Афанасьев, О. Ф. Миллер, О. М. Бодянский, Я. К. Грот, Н. И. Костомаров, Ф. И. Буслаев и др. Полный перечень рецензий на работы Шейна см.: *Новиков*. С. 187—194.

⁶ Измененная евангельская цитата: «Как вы можете говорить доброе, будучи злыми? Ибо от избытка сердца говорят уста» (Мф. 12, 34).

⁷ Имеется в виду двухтомное издание «Стихотворения А. А. Фета» (М.: изд. К. Т. Солдатенкова, 1863).

⁸ Фет перевел несколько трудов немецкого философа А. Шопенгауэра (1788—1860): «Мир как воля и представление» (М., 1881), а также «О четверном корне закона достаточного основания» и «О воле в природе», вышедшие в Москве в 1885 г. одной книгой.

⁹ К этому времени вышли: К. Гораций Флакк в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883; Д. Юния Ювенала Сатиры. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1885; Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886 (вышла в свет в ноябре 1885 г.); Элегии Тибулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886; *Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon Libri XV* = Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887; Элегии Секста Проперция. Перевод А. Фета. СПб., 1888; Энеида Вергилия. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора имп. Казанского университета. Часть первая. I—VI. Часть вторая. VII—XII. М., 1888; Сатиры Персия. В переводе А. Фета. СПб., 1889; *M. V. Martialis Epigrammata* = М. В. Марциала Эпиграммы в переводе и с объяснениями А. Фета. Ч. 1—2. М., 1891 (вышла в свет в самом начале апреля).

5

Фет — Шейну

25 февраля 1892 г. Москва

МОСКВА
ПЛЮЩИХА,
СОБ. ДОМ

18 $\frac{25}{II}$ 92.

Многоуважаемый Павел Васильевич,

Сердечно благодарим оба с женою за поздравление Ваше.¹ Сожалею только, что малое знакомство с настоящим болезненным состоянием моим внушает Вам мысли, не соответствующие действительности. Я не имею ни малейшего влияния на какую бы то ни было журнальную редакцию и в настоящую минуту навсегда оставил начатую мною интересную для меня работу² и тем паче не способен писать какие-либо рецензии.³

Помнится, что я имел случай передать Вам все изданные мною сочинения. А равным образом с «Письмами из Испании», кем-то вновь в прошлом году изданными,⁴ мы ничего общего не имеем.^a

С совершенным почтением

Ваш всепокорнейший слуга

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: ПФА РАН. Ф. 104. Оп. 2. № 212. Л. 4–4 об. Письмо написано рукой секретаря; заключительная фраза и подпись — автограф.

¹ Письмо Шейна, содержащее поздравления, вероятно, с Новым годом и Рождеством, неизвестно.

² Речь идет, скорее всего, о работе над переводом поэмы Лукреция «De rerum natura» («О природе вещей»); не исключено также, что в это время Фет мог работать и над переводом «Печальных элегий» Овидия, которые будут опубликованы лишь после смерти Фета (см.: Скорби Овидия (Tristia). Перевод А. Фета. М., 1893).

³ В письме от 6 мая 1891 г. Шейн просил Фета написать для «Московских ведомостей» рецензию на свой труд. Вероятно, в неизвестном письме, на которое откликается Фет, Шейн повторил свою просьбу. См. примеч. 1, 2 к письму 4.

⁴ Единственное прижизненное отдельное издание путевых записок «Письма об Испании» Василия Петровича Боткина (1811/1812–1869) вышло в Петербурге в 1857 г. Посмертно были изданы в качестве приложения к журналу «Пантеон литературы»: Сочинения Василия Петровича Боткина: В 3 т. СПб., 1890, 1891, 1893. Трудно сказать, почему Шейн просил у Фета «Письма об Испании»; возможно, до него дошли слухи о совместной работе Фета и Боткина.

^a Далее рукой Фета.